

DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.006
УДК 811.161.1'373.21 + 398(470.12)

Е. Л. Березович
В. С. Кучко
О. Д. Сурикова

**ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ
(на материале преданий о разбойниках восточного
Вологодско-Костромского пограничья)***

Материалом для статьи служат топонимические предания о разбойниках, записанные Топонимической экспедицией Уральского университета на территории восточного Вологодско-Костромского пограничья. Зонами наиболее активного распространения преданий являются Вохомский район Костромской области и Никольский район Вологодской области. Внутри каждой крупной зоны выделяются очаги, в которых названия, включаемые в топонимические предания, представлены наиболее плотно. В вохомской зоне два очага располагаются соответственно в верхнем и нижнем течении р. Вохма, в никольской зоне — по берегам р. Юг и в верховьях р. Кема. Авторы стремятся восстановить комплекс исторических, лингвистических и внутритекстовых факторов, влияющих на возникновение и бытование преданий в каждом названном ареале. Реально-исторической предпосылкой существования преданий может быть появление на речных и волоковых путях края лиц, причисляемых народным сознанием к разбойникам, — участников набегов, народных восстаний, беглых крестьян и солдат. В южской зоне сохраняется память о похождениях новгородского ушкуйника Анфала Никитина в XIV в.; предания о разбойном

* Авторы от души благодарят В. И. Жеребцова (д. Никольское Никольского района Вологодской области), С. С. Герасимова, Г. Л. Коржеву (пос. Вохма Вохомского района Костромской области), познакомивших нас с труднодоступной краеведческой литературой по теме. Большое спасибо к. ист. н. С. А. Белобородову (УрФУ) за консультацию по историографии вопроса. Благодарим К. В. Пастухова, составившего схему к статье.

© Березович Е. Л., Кучко В. С., Сурикова О. Д., 2015

племени *сечь*, встречающиеся в кемской зоне, могут быть отголоском набегов войск Казанского ханства в XV в. Собственно языковыми стимулами для появления преданий служат топонимы, внутренняя форма которых способствует их народно-этимологическому переосмыслению и конструированию вокруг них «разбойничьих» сюжетов (например, р. *Разбойница*, фольклорное название *Вохма — Золотое Дно*). В редких случаях названия отражают реальную историческую действительность (*Застава, Сторожевая*). В процессе своего функционирования топонимическое предание может утрачивать отдельные сюжетные звенья, «обрастать» новыми эпизодами, перестраиваться под влиянием типологически значимых фольклорных схем, втягивать в свою сферу новые топонимы, допуская их ремотивацию и даже внешнее переформлирование.

Ключевые слова: русский язык, топонимия, топонимическое предание, фольклор, фольклорная ремотивация топонима, восточное Вологодско-Костромское пограничье.

Проблема соотношения фольклора и исторической (этнографической) действительности многократно ставилась исследователями: решая ее, фольклорист получает представление о механизмах формирования текстов, историк вооружается новым источником исторических сведений, лингвист пополняет знания о мотивации функционирующих в тексте имен и т. п. В то же время для перечисленных наук большую сложность составляет проверка той информации о реальных событиях, которую содержит произведение народного творчества. В каждом отдельном случае осуществление такой проверки требует учета многих факторов, уникальное сочетание которых препятствует их типологизации. Дополнительная «субъективная» трудность состоит в том, что от специалиста требуется комплексная компетенция, включающая в себя зачастую, помимо прочего, знание и оценку того, что сделано в любительском краеведении (ценность последнего неоспорима, но между ним и «профессиональным» краеведением бывает, как известно, существенный зазор). При всех этих сложностях каждая новая работа в данном направлении приближает к выработке методики верификации исторической информации, предоставляемой фольклорным текстом. В настоящей статье будут изложены наблюдения над одной группой исторических преданий, зафиксированных на сравнительно небольшой территории; на основании их анализа авторы попытаются сделать некоторые выводы о взаимодействии наивной истории, фольклорного текста и языкового факта. Материалом служат топонимические предания¹ о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья.

¹ Под топонимическим преданием понимается текст, который обнаруживает связь своей мотивной структуры с мотивировкой какого-либо географического названия.

Предания о разбойниках составляют весьма обширную и выразительную группу среди топонимических преданий указанной территории. В эту зону включаются следующие районы, где велись работы Топонимической экспедиции Уральского университета: Никольский район Вологодской области, Пыщугский, Павинский, Вохомский и Октябрьский районы Костромской области. Показательно, что предания бытуют не повсеместно в перечисленных районах, а имеют две зоны наиболее активного распространения — в о х о м с к у ю (в Вохомском районе Костромской области) и н и к о л ь с к у ю (в Никольском районе Вологодской области). В Вохомском районе языковой и фольклорный материал собирался сотрудниками экспедиции в 2011–2012 гг., а в Никольском — в 1973, 1978, 2013–2014 гг.²

Обе зоны находятся на территории бывшего Никольского уезда Вологодской губернии, в водоразделе Волги и Северной Двины, там, где соединяются два крупнейших речных бассейна Европейской России. Центральная река Вохомского района — Вохма (правый приток Ветлуги) — принадлежит бассейну Волги; основная река Никольского района — Юг — дает начало (вместе с Сухоной) Северной Двине, а другая большая река — Кема, — сливаясь с Лундонгой, составляет Унжу (левый приток Волги). При этом Вохма и Юг вытекают, как считается, из одного болота; они соединялись волоками (известны, в частности, старые волоковые системы Юг — Ентала — Вохма — Ветлуга; Юг — Анданга — Вочь — Вохма [см.: Пластинин]). В этой зоне и на север, и на юг пролегали пути, имевшие большое торговое и геополитическое значение: с одной стороны, путь на Великий Устюг, с другой — на Вятку, Пермь Великую, на Усолье Строгановское. Кроме того, отсюда можно было выйти на дорогу, соединявшую Русский Север и Сибирь. По таким значимым водно-волоковым и сухопутным путям передвигались представители не только торговых, но и военных походов, а также — во многом благодаря окраинности, лесной глуши этих земель — участники набегов, разбоев, восстаний и бунтов, беглые крестьяне и солдаты — все те, кого в народе обобщенно называли *разбойниками*. Для предупреждения набегов воздвигались заставы и сторожевые пункты. Картографирование преданий о разбойниках показывает, что топонимы, вокруг которых они разворачиваются, строго «п р и в я з а н ы» к р е к а м. В большинстве текстов преданий повторяются слова «разбойники плыли (шли) по реке», при этом нередко упоминаются лодки и плоты. Сказанное обрисовывает и с т о р и ч е с к и й «каркас» преданий о разбойниках на Вохме, Юге и Кеме. Кроме этого, рассматриваемые предания нередко имеют не связанную с реальной историей я з ы к о в у ю «подпитку», поскольку их сюжеты

² В тексте статьи при подаче материалов экспедиции ссылка на источник не приводится, отмечается лишь административный район, где была осуществлена запись, и населенный пункт (указание на населенный пункт дается, когда фиксируется не только собственно название, но и комментирующий его текст).

направляются переосмыслением внутренней формы топонимов, их фольклорной ремотивацией³ [подробнее см.: Березович, 2010, 159].

1. Обратимся к преданиям в о х о м с к о й зоны (см. рис. 1). В них фигурируют топонимы бассейна Вохмы: названия объектов по берегам реки и ее фольклорный эпитет — сочетание *золотое дно*. Последнее таит возможность переосмыслений «в пользу» разбойничьих сюжетов. Стимул *Вохма — Золотое Дно* вызывает предание-реакцию об утопленном в реке золоте, а золото понимается как атрибут разбойников: «В верхах Вохмы была церковь, иконы на *подзолоте* были, и разбойники приплыли в эту церковь, и ограбили, и поехали. А там, видно, хватились, дознались, погоню сделали, так разбойники выбрасывать всё в Вохму стали: “Будь Вохма-матушка — *Золотое Дно*”» <Вох., Петрецово>; «*Вохма — Золотое Дно*. Тут у нас раньше разбойники были, всё грабили, *золото* искали. Мужики разбойников прогнали, собрались со всей округи и выгнали. Они *золото* в Вохме спрятали» <Вох., Кекур>; «*Вохма — Золотое Дно*. Говорили, шо где-то разбойники чё-то везли да утопили какое-то награбленное *золото*» <Вох., Вохма>. Такую мотивацию стоит признать вторичной. Эпитет *золотое дно* часто используется в топонимии по отношению к разным объектам ландшафта: судя по данным картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета, в топонимии Архангельской, Вологодской и Костромской областей насчитывается около 50 названий типа *Золотое Дно* (*Дёнышко, Донышко*), обозначающих реалии, которые получают цветовую характеристику, а чаще — хозяйственную

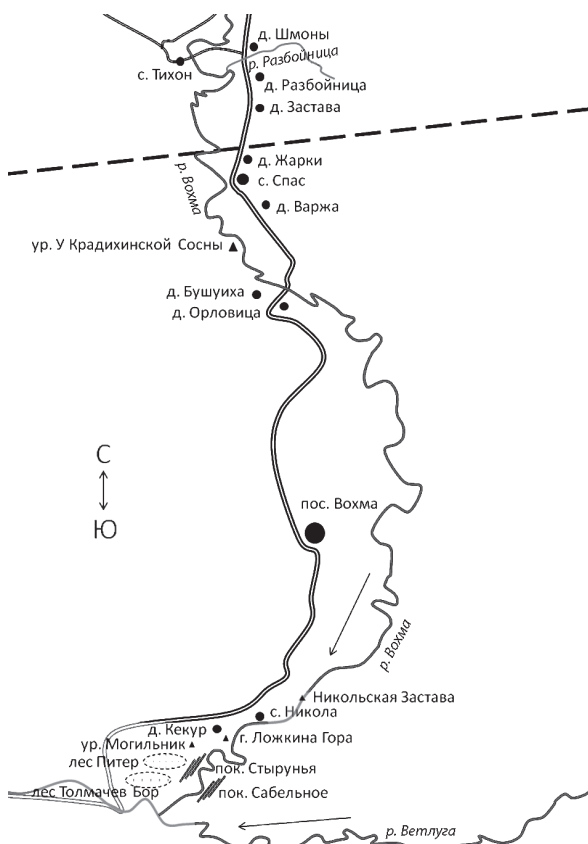


Рис. 1. Бассейн р. Вохма

³ Фольклорную ремотивацию можно считать разновидностью общезыковой ремотивации, при которой словом-стимулом для метаязыкового осмысления является топоним, а акт ремотивации одновременно становится актом «исторической (мифологической) рефлексии» носителя традиции.

оценку. Река или ключ могут быть названы так благодаря песчаному дну или обилию рыбы, поле — по богатым урожаям, покос — из-за хорошей травы, болото — по запасам торфа и пр. (ср. литер. *золотое дно* ‘богатый, неисчерпаемый источник дохода’ [ФСЛРЯ, 141]). Подобные «внелегендарные» мотивировки есть и у *Вохмы — Золотое Дно*: «Вохма — *Золотое Дно*, лучше всех в округе жили» <Окт., Даровая>; «Вохма — раньше звали *Золотое Дно*, богатая, видно, была» <Вох., Вохма>; ср.: «Вохомский край считался самым хлебородным в уезде. Местные жители занимались в основном земледелием (сеяли рожь, овес, лен, коноплю) и скотоводством, кроме того, изготавливали деготь и смолу, занимались заготовкой и сплавом леса, звериным и птичьим промыслами. В округе Вохму называли “золотым дном”» [Адеева, 2011, 71]. К сказанному стоит добавить интересную деталь: если в большинстве случаев топообъекты, названия которых употребляются с эпитетом *золотое дно*, не имеют отношения к реальному золоту, то Вохма — может иметь. Разумеется, дело не в том, что разбойники спрятали в реке награбленное имущество. В конце 2013 г. в прессе появились многочисленные сообщения о том, что на Вохме найдено россыпное золото, при этом геологическое изучение, разведка и добыча золота будут происходить на севере Вохомского района — в верховьях Чабры и в нижнем течении Малого Парюга и Чашевой. Вполне возможно, что местные жители и прежде находили на Вохме золотой песок — и вести об этих находках «подпитывали» предания о спрятанном в реке золоте и о разбойниках⁴.

В топонимии бассейна Вохмы выделяются два эпицентра, где наиболее плотно представлены названия, с которыми связаны предания. Один очаг активного бытования преданий локализуется ближе к верховьям реки, другой — в ее низовьях.

1.1. Начнем с «в е р х н е г о» о ч а г а, который располагается в районе с. Тихон, в 60 км севернее районного центра — пос. Вохма. Неподалеку от Тихона находятся р. *Разбойница (Разбóенка)* и д. *Разбойница*. Осмысление этих названий в связи с действиями разбойников практически навязывается внутренней формой

⁴ Например, на портале «Русская планета» в декабре 2013 г. появилась статья «Достигли золотого дна», в которой журналистка А. Хаски сообщает следующее: «...россыпное золото вместе с железом и медью пришло в область с Каменного пояса Урала благодаря древнему леднику. Первые следы, представляющие отдельные золотые чешуйки, были найдены как раз в бассейне реки Вохма» [http://kostroma.rusplt.ru/index/dobycha_zolota_v_regione_podnimet_prestizh_oblasti_no_ne_reshit_problem_s_byudzhetom.html]. В статье приводится рассказ краеведа З. Шмелевой, в котором говорится о находках золота местными крестьянами: «Крестьянин случайно нашел самородок в верховье реки. Весть быстро разнеслась по округе. Незадачливые соседи побросали все дела на пашне и тоже решили попытать счастья. Но чистого золота больше не попадалось, а вручную отделить драгоценный металл от шлиха не хватало навыков. Вернулись мужики ни с чем и продолжили заниматься тем, что получалось у них лучше всего — стали и дальше возделывать землю» [Там же]. При этом костромские ювелиры настроены по отношению к вохомскому золоту скептически: «Там золото уже 30 лет ищут, только результата пока нет» [Там же].

топонимов, ср.: «Были лихие люди разбойники, решили ограбить церковь, монастырь⁵. Ограбили и поплыли туда, поэтому названа деревня Разбойница, там ещё найден был потом котёл, в котором они пищу варили»; «Когда церковь построили, разбойники здесь селились и грабили» <Вох., Тихон>; «Мы приехали с Разбойницы... А это было раньше, всё легенда-то шла о разбойнике, разбойники жили тамо. И речка была Разбойница, течёт Разбойница-речка. Вот на этой речке жили разбойники, и вот она такая легенда-то и пошла, название и дано» <Вох., Вохма>. С точностью установить мотивацию этих топонимов и их номинативное «первенство» (деревня ли была названа по реке или река по деревне) затруднительно. В обозначении деревни могли быть отражены реальные события (появление тех, кого называют разбойниками, столкновения между жителями соседних деревень или внутри деревни и пр.). В этом случае название деревни следует считать первичным, а название реки — вторичным. Однако предпочтительнее версия первичности гидронима, отражающего, по всей видимости, представления о природных свойствах гидрообъекта. В русских говорах фиксируются лексемы с основой *разбой-*, относящиеся к беспокойной или разбивающейся о что-либо воде, а также отражающие представление об обилии отмелей, перекатов в русле реки: волж. *разбóистый* 'участок реки, изобилующий отмелями, камнями или перекатами' [СРНГ, 33, 265], арх. *разбóйный* 'сильный, разбивающийся о камни (о волнах на реке, в море)' [КСГРС], хабар. *разбóй воды* 'столкновение двух течений при слиянии рек' [СРНГ, 33, 265]. Костромская речка *Разбойница* образуется из слияния двух рек — *Большой Разбоенки* и *Малой Разбоенки*; в месте слияния как раз и может быть *разбóй воды* (ср. также костр. *суббóй* 'место слияния рек' [ЛКТЭ]). Следует отметить, что словообразовательная вариативность названий реки — *Разбойница* и *Разбоенка* — является дополнительным аргументом в пользу «природной» мотивации именованной реки и вторичности названия деревни (вариантов не имеющего)⁶.

Топоним *Разбойница* оказывается сильнейшим стимулом, инициирующим и поддерживающим развитие «разбойничьих» преданий. Прежде всего, *Разбойница* связывается в единый текст с *Вохмой* — *Золотое Дно*: «Разбойники там жили. На плотках приплыли однажды грабить деревни. Тихонскую церковь ограбили, золото в Вохму бросили. Теперь Вохму называют Вохма — Золотое Дно»

⁵ Имеется в виду, очевидно, Крестогорская Тихонова мужская пустынь, существовавшая с 1679 г. После упразднения в 1764 г. она была обращена в приходскую церковь. Ср. еще: «В Тихоне был монастырь Тихоновский, обокрали церковь» <Вох., Спас>.

⁶ Существуют и другие «разбойные» топонимы с несомненно «природной» мотивацией, например, камень *Разбойник* на уральской реке Чусовой (с буквальным смыслом «тот, кто разбивает») [Иванова, 2014, 113]. Подобные ему скалы, называемые на Урале и в Сибири еще *бойцами* [СРНГ, 3, 60], разбивают потоки воды. Так, в словаре Е. Э. Ивановой есть описание чусовского камня, данное Д. Н. Маминым-Сибиряком: «...Впереди уже встает знаменитый боец Разбойник, который поднимает свою каменную голову на 50 сажен вверх и упирается в реку роковым острым гребнем». Кроме того, при столкновении с *бойцами* могли разбиваться суда: «Особенно трагичным был 1877 г., когда о камень в течение дня разбилось 23 барки и погибло более 100 человек» [Иванова, 2014, 113].

<Вох., Воробьевица>; «А разбойники раньше жили, это ведь давно было — так Разбойницей этой называли её [деревню]. Это говорили всё, что Вохма — Золотое Дно, оне, эти разбойники, тут золото напускали» <Вох., Тихон>.

Обрастание «разбойничьего текста» деталями происходит за счет тех ключевых слов, которые извлекаются народным сознанием из внутренней формы топонимов, называющих объекты (главным образом деревни), находящиеся неподалеку от *Разбойницы*. Приведем фрагменты преданий в порядке реального расположения упоминаемых в них объектов вниз по Вохме: д. *Застава* — «Ещё говорят, много золота разбойники *оставили* под *Заставой*», «Ходили баржи по Вохме, а Застава была. Пограничники не пропустили баржу с ворованным золотом, его в реку и сбрасывали» <Вох., Спас>; д. *Жарки* — «А деревня там *Жарки* — это потому что *жаркий* бой [казаков с разбойниками, укравшими золото в церкви в с. Тихон]» <Вох., Тихон>; д. *Варжа* — «Тут тоже схватка была [с разбойниками], а потом поплыли, часть уничтожили у них, но не всех, осталось их несколько человек, *Варжа* у них был один из предводителей, *Варжа*, погиб он, вот и деревня *Варжа*» <Вох., Тихон>; д. *Бушуха* — «Там разбойники жили, там, где *Бушуха*, *бушевали*, ничего не делали» <Вох., Вохма>; д. *Орловица* — «Потом шесть человек их во главе с атаманом *Орликом* убежало, за ними погнались, и вот на реке их догнали и *Орлика* там схватили, поэтому называется место *Орловица*» <Вох., Тихон>; ур. *УКрадихинской Сосны* — «Степан Разин со своими остатками ночевали у этой сосны» <Вох., Спас> (сосна находится у д. *Крадихино*, где, по версии предания, приведенной в книге вохомских краеведов, разбойниками был закопан клад [ЛПКВ, б]⁷).

Краеведы приводят и другие «легендарные» топонимы, входящие в описываемую систему: д. *Шмоны* — «Уже существовал около села Тихон богатый мужской монастырь. Шайка вольных людишек и решила на него напасть. На месте, где они перед этим разбивали лагерь, потом деревня возникла с названием Шмоны» [Там же, 5] (очевидно, предполагается связь с жарг. *шмонать* ‘обыскивать, рыться в чьих-то вещах’, но она не эксплицирована в тексте предания); с. *Спас* — названо в честь победы местных жителей над разбойниками [Там же, 5–6]. В с. Спас, стоящем на Вохме, есть ур. *Городок*, название которого тоже связывается с боевыми действиями: «А в самом-то Семёновском [неофициальное название с. Спас] была церковь святого Георгия, на возвышенности, а внизу, на островке, прорыт был ров, чтобы как остров получился, — Городок, укрепление, частоколом укреплен. Там были пищали, пушки» <Вох., Тихон>. В приведенном тексте не упоминаются разбойники, но топоним, вероятно, отражает исторические реалии: известно, что укрепленные пункты, которые ставились на реках для защиты от набегов,

⁷ Вековая сосна у д. Крадихино считалась «заветной». Говорили, «что пока сосна тут будет расти, будут здесь жить люди» [<http://www.boxma.ru/obshhestvo/1362-gostyam-voxmy.html>]. Очевидно, выделенность старого, мощного и красивого дерева в ландшафте, а также ореол сакральности способствовали притяжению к сосне легенд о Степане Разине и кладе.

часто имеют названия типа *городище*, *городок* и т. п.⁸ Думается, в большинстве случаев приведенные предания возникли на основе народно-этимологического осмысления топонимов. Кажется, отголосок действительных событий можно предполагать лишь для названий *Городок* и *Застава*: для последнего, разумеется, не в связи с *оставленным* разбойниками золотом, а, скорее всего, из-за наличия реальной сторожевой *заставы* в верховьях реки⁹. Как говорилось выше, исторические реалии могут быть отражены и в топониме *Разбойница*, но эта версия все же лингвистически узвима.

1.2. «Н и ж н и й» о ч а г вохомских преданий локализуется в окрестностях с. Никола (в низовьях реки, в 15 км южнее пос. Вохма). Топонимы, называющие не только населенные пункты, но и леса, покосы, холмы и другие объекты по Вохме, объединяются преданиями в своеобразное «разбойничье гнездо»: пок. *Сабельное* — «Разбойники грабили по Вохме. У *Сабельного* бой был с местными мужиками. Они бежали, *сабли* там бросили» <Вох., Кекур>; пок. *Стырунья* — «Разбойники спорили, *стырили*¹⁰, ругались» <Вох., Кекур>; г. *Ложкина Гора* — «Разбойники были, золото грабили. По всей Вохме грабили. Мужики собрались и их прогнали. А они сидели у горы, обедали. Удирать стали — оставили *ложки* от обеда в горе. Так и назвали *Ложкина Гора*» <Вох., Кекур>, «Там разбойники *ложки* мыли в реке» <Вох., Петрецово>, «Разбойники, поляки-те, в ей *ложки* прятали» <Вох., Никола>; леса *Питер* и *Толмачёв Бор* — «Разбойники шли по реке. Ночевали. Пили-ели. *Питер* — это они *пили*. У *Толмачёва Бора* *толмачили*» <Вох., Кекур>; ур. *Могильник* — «Там *могилы* были разбойников, которые грабили здесь всё, золото искали. Мужики вохомские собрались, прогнали их. Там они похоронены» <Вох., Кекур>.

Фольклорная ремотивация топонимов, обыгрываемых в этих текстах, является ложной с точки зрения первичных мотивов именованья. Для некоторых названий сами информанты предлагают «внелегендарные» мотивировки: на *Сабельном* произрастает *сабельник*, *Могильник* является «скотским кладбищем»¹¹, а на *Ложкиной Горе* жил человек по фамилии *Ложкин*¹². Но имеет ли всплеск

⁸ Подробнее о *Городке* см.: [http://www.boxma.ru/obshhestvo/1381-skaz-pro-spas.html].

⁹ Предположение о реальном существовании на месте д. Застава сторожевой заставы выдвигает и С. С. Герасимов, который указывает, что такая застава могла быть одной из ближайших к волостному правлению [Герасимов, 2010, 24].

¹⁰ Костр. *стырить* ‘ссориться, ругаться с кем-л.’ [СРНГ, 42, 117].

¹¹ Костр. *могильник* ‘место захоронения скота (как правило, павшего от эпидемий)’ [ЛКТЭ].

¹² Как указывают ревизии 1719–1816 гг., реально существовал род Ложкиных, чьи земельные наделы находились в д. Плёсо на Ложкиной Горе; гора предположительно получила название по имени основателя рода Ивана Андропова Ложкина [Герасимов, 2012, 143–145]. Сила притяжения «разбойничьего» легендарно-топонимического окружения, однако, так велика, что Ложкин становится разбойником: «*Ложкина Гора* около Николы — был *разбойник Ложкин*, у него там где-то и избушка была пару сотен лет тому назад, поэтому *Ложкина Гора*» <Вох., Плоская>, «У Пугачева *атаман* был *Ложкин*, скрывался на этой горе» <Вох., Никола>.

активности «разбойничьих» преданий под собой фактические основания? Краевед С. С. Герасимов приводит выписку из ревизии 1719–1723 гг., из которой следует, что нынешние Никола и Кекур возникли возле дороги из Вохмы на юг, к Ветлуге, вокруг места, обозначенного историческим топонимом *Никольская Застава*, — контрольного пункта на окраине уезда, предназначенного «для раннего предупреждения уездных и волостных властей, а также местного населения о появлении вероятного противника или воровских шаек» [Герасимов, 2010, 23]. Память о заставе, поставленной на «бойком месте» (у наземной и водной дороги к Ветлуге), породила, очевидно, предания о разбойниках, сюжеты которых направляются топонимической ремотивацией.

Более поздней исторической предпосылкой бытования легенд о разбойном люде могло стать восстание 1918 г. против власти первого уездного исполнительного комитета — так называемое Политовское восстание (д. Политово расположена в 6 км севернее Николы) [подробнее см.: Герасимов, 2007]. Для подавления восстания в Вохму из Устюга был направлен отряд моряков Балтийского флота; часть повстанцев была арестована, а 14 человек расстреляны. Возможно, отголоски этих событий — упоминания о карательном отряде в текстах топонимических преданий: «Шла карательная, дак сабли точили, — вот *Сабельное* назвали» <Вох., Латышово>; «*Сабельное* — по этому карательному отряду» <Вох., Кекур>.

Можно сделать следующий вывод о причинах появления вохомских топонимических преданий о разбойниках. Глубинная историческая «подкладка» преданий — реальное появление разных категорий лиц, причисляемых народным сознанием к разбойникам, на водных и волоковых путях Вохомского края. Для борьбы с ними сооружались заставы, сторожевые пункты и т. п., что могло отразиться в соответствующих топонимах, которыми отмечены верховья и низовья Вохмы, ср. названия *Застава* и *Никольская Застава*. Именно эти топонимы следует признать наиболее объективными «трансляторами» исторических реалий. Однако *заставы* сами по себе вряд ли смогли бы дать мощный всплеск активности преданий, если б не собственно языковые стимулы, «раскручивающие» тексты. Это стимулы двух категорий — «застрельщики» и «аккомпаниаторы»: первые закладывают основу действия, вторые создают дополнительные сюжетные ходы (об этом см.: [Березович, 2010, 178]). К «застрельщикам», по всей видимости, относятся *Вохма — Золотое Дно* и *Разбойница*: их внутренняя форма при переосмыслении «однозначно» указывает на разбойников. Остальные названия им «аккомпанируют». Кроме того, активизация преданий может быть связана с обновлением и актуализацией исторической памяти: стимулом для творения преданий в «нижнем очаге» могли стать свежие воспоминания о подавлении крестьянского восстания при советской власти.

2. Перейдем к преданиям н и к о л ь с к о й зоны.

Здесь тоже выделяются два ареала активности «разбойничьей» темы — условно восточный и западный.

2.1. Восточный очаг располагается в юго-восточной части Никольского района, на территории четырех сельских советов, граничащих друг с другом: Пермасского, Переселенческого, Краснополянского и Завражского. Основная река здесь — Юг¹³; топонимы, фигурирующие в преданиях, обозначают объекты, которые находятся на берегах Юга или его притоков (см. рис. 2).

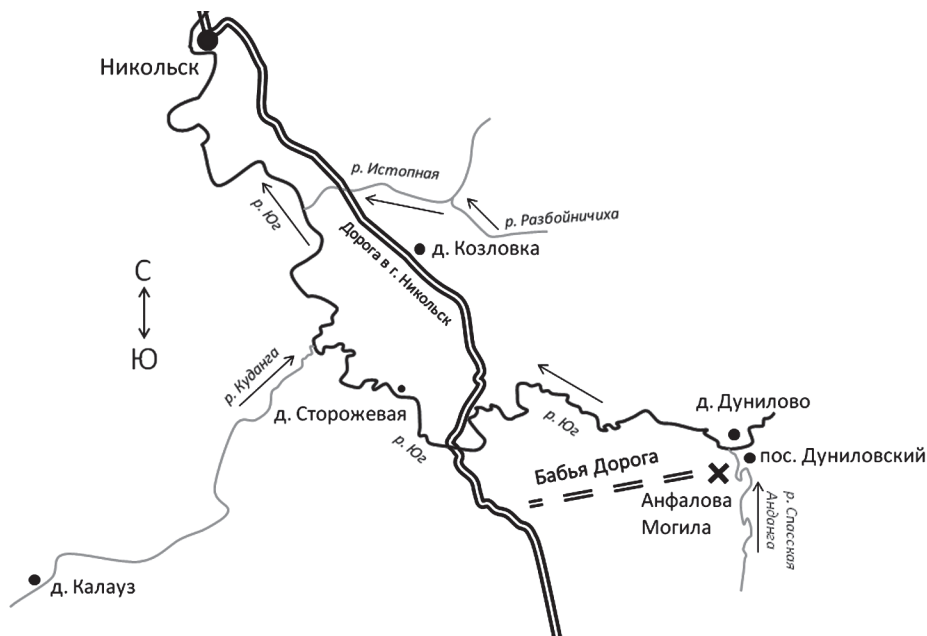


Рис. 2. Бассейн р. Юг

В этой зоне есть своя р. *Разбойничиха*, которая впадает в реку Истопную (правый приток Юга) в 1,5 км к северо-востоку от д. Козловка. Это название, конечно, не может не породить легендарную мотивировку: «Разбойники плыли по Югу, грабили все подряд. Ладили пойти на Дунилово, церкву ограбить. Мужики их подкараулили, погнали, разбили, на этой Разбойничихе они и полегли, вот ее так и назвали» <Ник., Завражье>. Пребывание разбойников в окрестностях д. Дунилово отмечается и в других контекстах, ср., например: «Перед Дуниловым там где-то около жили разбойники. Ходили вот из Дунилово на Пермас» <Ник., Пермасский>.

Недалеко от Дунилово есть два географических объекта, названия которых «обыгрываются» в большинстве «разбойничьих» рассказов, фиксируемых в данной зоне. Это *Анфáлова (Алфáнова) Могила (Анфáлово Кладбище, Амфáлова*

¹³ В Никольском районе верховья Юга; далее эта река течет на север и, напомним, сливаясь с Сухоной (неподалеку от Великого Устюга), образует Северную Двину.

Гора) и *Бабья (Бабина) Дорога*. Могила, по мнению информантов, находится в устье притока Юга — Спасской Анданги, в окрестностях д. Дунилово, а дорога (точнее, ныне заброшенная просека) шла лесом от *Анфаловой Могилы* и выходила на большой тракт, ведущий с юга к городу Никольску. Вот два варианта рассказов, объединяющих эти топонимы: «Была былина, что убили разбойника главного. У него была жена, шла лесом — и разрубала весь глухой лес, всё. И прочистила дорогу. Мужа-то похоронили над рекой Югом, клад был захоронен вместе с ним. *Анфал* звали. И могила его там. У устья Спасской Анданги *Анфалова Могила*. Была ступня около могилы на камне — мол, его ступня, *Анфала*. У него жена проделала дорогу — и она называется *Бабья Дорога*» <Ник., Пермас>; «Женщина распехала дорогу. Были разбойники, *Анфал* и его жена. Они шли со стороны Устюга. *Анфал* умер на устье Анданги, там его могила. Баба пошла по дороге. Она прямо раскидывала лес руками. Вот и назвали *Бабья Дорога*. На дороге 120 поворотов, а она прямо ушла. Она топнула ногой, на камне след остался. След около *Анфаловой Могилы*» <Ник., Дуниловский>. В некоторых вариантах сюжета в этот комплекс включаются еще ур. *Анфалов Клад* (место, где закопано золото *Анфала*), д. *Сторожевая* (в устье одноименной реки, правого притока Юга): «Был *Анфал* боярин, шёл на Вятку снизу с новгородским купцом с Устюга по реке Юг, с бандой шёл и грабил церкви. И они остановились ниже Пермаса. Жена осталась там *сторожевой* — там и деревня *Сторожевая*. А он ушел сюда до Дунилова» <Ник., Дунилово>. По другому варианту предания, у устья *Сторожевой* находился *сторожевой пост* *Анфала*, обеспечивавший безопасность двинским беглецам [Низов, 2002]. Топоним *Сторожевая* включается и в предания с другими действующими лицами (см. ниже).

По всей вероятности, топонимическое предание об *Анфале* имеет реальную подоплеку и связано с именем двинского боярина, знаменитого ушкуйника¹⁴ *Анфала Никитина*, жившего в XIV в. Согласно историческим источникам, *Анфал Никитин*, участвовавший в московско-новгородских распрях, бежал из Великого Новгорода в Устюг в 1398 г., а затем пробирался на Вятку (и далее, возможно, на Каму) по Югу — и действительно проходил низовья Анданги (история вопроса подробно рассмотрена в [Мусихин, 2002; Низов, 2002; также см.: Баданин, Биланчук, Наумов и др., 2000; Поникаров, 2011, 24]). Очевидно, боярин пребывал в этих местах недолго и уже в 1400 г. был принят в Москве, а погиб, как указано в летописях и синодиках, в 1418 г. на Вятке (был убит вместе с сыном *Нестором* болгарскими князьями) [Низов, 2002]¹⁵. Таким образом, настоящей могилы его в Никольском районе Вологодской области быть не может. Однако

¹⁴ В то же время относительно принадлежности *Анфала Никитина* к ушкуйникам у историков имеется ряд сомнений, об этом, в частности, [см.: Мусихин, 2002].

¹⁵ Ср. в Устюжской летописи: «Того же лета <6926> *Анфал Никитич* уьбен бысть на Вятке и сын его *Нестер*» [ПСРЛ, 37, 40, л. 95 об.].

историки и краеведы допускают, что существовал кенотаф Анфала — поминальный крест, воздвигнутый его сподвижниками [Низов, 2002]. Возможно, топоним *Анфалова Могила* сохраняет память именно об этом кенотафе. (Существование реального кенотафа — факт недоказанный; однако, говоря о народной «памяти», стоит учитывать распространенность «фольклорных могил», расположенных в разных местах, где народ «хоронил», как известно, Степана Разина, Ермака¹⁶ и др. Ушкуйник Анфал Никитин — один из самых ярких персонажей местной истории, — возможно, встает в парадигму «народных» разбойников и удостоивается чести «местного» захоронения.) На закрепление антропонима в составе топонима могло оказать влияние и то обстоятельство, что в Никольском районе до начала XX в. существовал *Анфалов Починок* (или д. *Анфалово*) [Мусихин, 2002; Низов, 2002]. Данное название тоже может иметь связь с Анфалом Никитиным, хотя это совсем не обязательно: топонимы с основой *Анфал* на Русском Севере не единичны¹⁷, поскольку исходное имя (с вариантами *Айфал*, *Нафал*, *Анфала* и др. [Суперанская, 1998, 108]) было календарным.

Образ Анфала диффузен и противоречив. Герой может возвышаться до богатыря («Анфал — это какой-то человек. Богатырь какой-то, местная знаменитость» <Ник., Теребаево>), святого, целителя («Анфал был святой. Его преследовали, он скрывался» <Ник., Байдаров>); «У женщины был муж Анфал-разбойник. Он и людей лечил <...> Он как святой» <Ник., Кожаево>; «Анфал — церковный человек был, Анфалова могила у Дунилово. Крестный ход в сторону Дунилово, в июле 11-го каждый год. Какой у него сан был — не знаю, но до сих пор его упоминают» <Ник., Теребаево>), мореплавателя («Анфалова Могила — проходец какой-то похоронен, плавали они сюда. Святое место. Анфалов — какой-то мореприходец» <Ник., Березово>) или снижаться до бандита, разорителя церквей («Это женщина шла, ревела, мужика у ей убили, бандита Амфала» <Ник., Липово>; «Говорят, что шел человек, грабил церкви с женой» <Ник., Дуниловский>; «Он под вид бандита был, свою власть устанавливал» <Ник., Березово>). Мотивы преданий об Анфале контаминируются с мотивами легенд о чуди (в частности, о ее самопогребении): «Его убили, он много мужикам-то навредил, много требовал. Он напився, так так брёвна подладили, чтоб потолок упал и его задавило, мужиков с ним убило...» <Ник., Березово>. Возможно, представления о гибели Анфала находят глухой отголосок в сочетании *алхánова голова* ‘болотная кочка’ [СГРС, 1, 15], которое фиксируется в диалектной фразеологии Никольского района.

Еще более многолик женский образ — «баба», жена, сестра или мать Анфала. Появление «бабы» у «атамана» можно считать типологически значимой

¹⁶ Например, о могилах Ермака см.: [Чагин, 1999, 50].

¹⁷ Ср.: о-в *Анфал* <Прим.>, хут. *Анфалёнков Футор* <Бабуш.>, д. *Анфáлиха* <Хар.>, д. *Анфáлово* <Влгд.>, д. *Анфáловская* <К-Б, Котл.>, пок. *Анфáловцы* <В-Т.> и др.

сюжетной линией преданий о разбойниках. В нашем случае мощным стимулом для ее творения, несомненно, стал топоним *Бабыя Дорога*. Думается, первичная мотивировка этого названия — «внелегендарная». Как указывают информанты, именно в этом месте росла трава *боровинка*, которую женщины использовали для абортов: «На Бабыей Дороге боровинка растёт, только там бабы собирают. Боровинку собирают до первого грома» <Ник., Завражье>; «По этой-то дороге по боровинку-то и ходили. Вот таконька она маленька, у нее аленьки цветочки, как кошачьи лапки. Бабы-то рожали ребят, так попьёшь эту травку — и робёнка вышибёт» <Ник., Сорокино>. Возможен и другой мотивационный ход. Д. Дунилово имела в округе славу центра православия¹⁸, там располагались Казанская (с 1712 г.) и Николаевская (с 1865 г.) церкви, а также Дуниловская Богородицкая мужская пустынь (основана ок. 1677 г., упразднена в 1764 г.); отсюда следующий вариант мотивации: «Раньше молиться ходили, тамо в Дунилово церковь была, туда ходили женщины молиться. Ведь молиться ходили больше женщины» <Ник., Кожаево>. Эти версии равновероятны, они могли действовать вместе — и обеспечить первичный мотивационный фундамент для *Бабыей Дороги*. Но дорога соседствует с могилой — и это заставляет искать сюжетные ходы, соединяющие соответствующие топонимы. По одной из версий легенды, дорогу протоптали женщины — сестра Анфала Ольга (или его безымянная жена) и жены соратников, которые ходили поминать погибших [Низов, 2002].

В других версиях «бабе» приписываются сверхъестественные свойства. Думается, это происходит не только потому, что у героя вроде Анфала должна быть «особая» жена. Сами объекты — дорога и могила — объединяются как на основе своей пространственной смежности, так и потому, что являются своего рода местными достопримечательностями. «Примечательность» *Бабыей Дороги* в следующем: ландшафт в окрестностях Дунилово изрезан холмами, поэтому основная дорога, соединяющая эту деревню с Никольским трактом, очень извилиста (насчитывает, по разным версиям, 12, 33, 100 или 120 поворотов). В отличие от нее, *Бабыя Дорога* была якобы прямой — и народное сознание искало чудесное объяснение этой «прямизне»: дорогу *спрямила* (росшила, растихала, расхлестнула, прорвала) жена Анфала («Она очень сильная, как первобытна была, шла и рукам распихала, заметно, ёлки аж разваливались» <Ник., Березово>). Мотив чудесного (сверхъестественного) получает дополнительный акцент: около могилы, по легенде, был камень-следовик. По одной версии, след на камне оставил Анфал, а по другим, более многочисленным, это след «бабы»: «Его [Амфала] похоронили на Амфаловой Горе, камень лежит там. Она сильная была, топнула — и ступня ей там осталась» <Ник., Липово>. Не случайно камень может именоваться *Ступней Бабы* («Дорога на Дунилово была в тридцать

¹⁸ Ныне д. Дунилово стала совсем маленькой, зато разросся расположенный тут же пос. Дуниловский.

три поворота. Баба огромная прошла, получилась прямая дорога. Баба святая была, что ли. Там камень есть, Ступня Бабы. Она огромная» <Ник., Липово>) и даже *Ступней Богородицы* («Ступня Богородицы есть камень, там ступня на камне, от ноги след» <Ник., Пермас>). Фактическому превращению «бабы» в Богородицу отчасти способствует сверхъестественный характер ее действий (ср. здесь представления о «святости» Анфала), а главное — контаминация сюжета о бабе с «богородичными» сюжетами, которые не были обнаружены в ходе современного сбора материала на этой территории, но присутствовали ранее. Так, В. Лебедев приводит следующую легенду: дуниловский крестьянин Демид Крохалевский, ловивший на Юге рыбу в праздник Петра и Павла (29 июня 1677 г.), «вдруг увидел близ реки на сухих сучьях Образ Божией Матери, ничем не поддерживаемый» [Сказание, 1899, 4]. Затем, рассказывают, сама Богородица указала место строительства церкви (*Богородицкой пустыни*) на Юге, куда была перенесена явившаяся икона [Там же, 8]. Как известно, в народных представлениях может происходить смешение образа «реальной» Богородицы, путешествующей по земле, и ее иконы (примеры, записанные на Русском Севере, есть в [Березович, 2010, 117–118]¹⁹). Следовательно, образ «бабы» во многом питается «богородичными» мотивами.

Комплекс топонимических преданий о разбойниках, зафиксированных на юго-востоке Никольского района, включает еще рассказ об атамане Калаузе — предводителе разбойников (по другой версии, *белоглазой чуду*): «Разбойники были. Атаман *Калауз* шел по Югу, а потом вверх по Куданге поднялся. Сколь их было — зажали их, его ранили. Жать их стали — вот они с Юга в Кудангу поднялись. На Юге-то *Сторожевая* есть, там его *сторожили* с войском. Ушел *Калауз* вверх по Куданге, там его похоронили, в *Калаузе*-то. Вот и назвали деревню в его честь» <Ник., Пермас>; «Чудь белоглазая шла. В *Сторожевой* останавливались. *Сторожили* сокровища. По рекам шли, лодки тащили. Атаман был *Калауз*. Он со свитой золото закопал в *Калаузе*. Помер там. Оне в Кудангу ушли» <Ник., Липово>. Здесь упоминается та же д. Сторожевая, которая фигурировала в рассказах об Анфале. Этот топоним оказывается сильным стимулом для разворачивания преданий, поскольку имеет прозрачную внутреннюю форму, которая легко и практически однозначно вписывается в рассказы о военных действиях. Кроме того, сам географический объект мог в действительности служить сторожевым пунктом: деревня находится не только на высоком берегу Юга (ср.: «Разбойники шли по реке, дак их там *сторожили* с высокого-то берега» <Ник., Пермас>),

¹⁹ Интересна такая деталь: «явленные места», связанные с Богородицей, встречаются, разумеется, на самых разных территориях, но иногда, очевидно, могут образовывать своеобразные «сгущения». Одно из таких сгущений обнаружено в верховьях Северной Двины (об этом см.: [Березович, 2010, 118]), недалеко от «явленного места» по Югу. Вероятно, можно говорить о единой «южско-двинской» зоне «богородичных» преданий, вырастающих на основе представлений о явлении икон.

но и на старой дороге в Никольск. Что касается д. *Калáуз*, то она расположена в верховьях Куданги, левого притока Юга. Ее название (очевидно, тюркское по происхождению²⁰) звучит для местных жителей настолько необычно, что в ряде рассказов «раскладывается» на два компонента: «Разбойники были *Кала* и *Уз*. Ходили там. Проклятое место *Калауз*. Разжиться не могли, богато-то жить»; «Два разбойника было — *Кало* и *Уз*. Так и назвали — *Кала-Уз*»; «Два мужчины были, *Кала* и *Уз*, жили там, первые пришли. Сокровища там прятали»; «Приехали, поселились — *Кало* и *Ус*. Вот *Ус* с “с” на конце, а в документах и на карте *Калауз* пишут. [А Вы сами как говорите?] “В *Калаузе*”, — мы говорим. Там, говорят, клад закопан» <Ник., Куданга>. Очевидно, *Калауз* оказывается вовлеченным в орбиту легенд о разбойниках вследствие народно-этимологической реинтерпретации этого слова.

Итак, на юго-востоке Никольского района наблюдается всплеск активности «разбойничьих» преданий. Как выясняется, они имеют историческую «защепку» — память о похождениях в окрестностях Никольска реальных исторических лиц — Анфала Никитина и его сподвижников. Эта память поддерживается именами, среди которых топоним *Сторожевая* (отражающий, возможно, наличие на Юге сторожевого пункта), а также *Анфалова Могила*. Последнее название мотивировано гипотетическим существованием кенотафа Анфала Никитина (возможно, указание на исторического героя поддерживается переосмыслением топонима *Анфалов Починок*, который мог изначально не иметь связи с Никитиным). *Анфалова Могила* становится сильнейшим консерватором разбойничьих сюжетов, в которых закономерно появляется «бабья» тема. Она имеет типологическое звучание, но конкретным фактором, ее «раскручивающим», является установление вторичной связи между названиями *Анфалова Могила* и *Бабья Дорога*, которые приложимы к смежным и неординарным по свойствам объектам. При этом название *Бабья Дорога* изначально не связано с разбойничьим сюжетом, оно имеет комплексную мотивацию (женщины собирали вдоль дороги травы; ходили на молебен; в этих местах, по легенде, было явление иконы Богородицы). Легенды об Анфале и его «бабе» настолько выразительны, что способны порождать названия типа *Анфалов Клад*, принадлежащие к весьма редкому разряду топонимов, для которых фольклорный текст служит первичной мотивировкой.

2.2. Западный очаг никольских преданий находится в верхнем течении Кемы (см. рис. 3). Как и Вохма, Кема имеет эпитет *золотое доньшко*: «Кема — золотое доньшко. Богатая Кема была рыбой, хлебом, льном. А говорили, в Кеме спрятано золото у разбойников. Это ввали, буди» <Ник., Никольское>. Как видим, контекст совмещает «реальную» и «легендарную» мотивировки. Последняя

²⁰ В основе ойконима, возможно, прозвище, восходящее к рус. диал. *калáуз* ‘дорожный мешок, котомка’ из тюрк., ср. тат. *qalauz* ~ *qalauiz* ‘котомка’, *qalaus* ‘сумочка’ [Аникин ЭСС, 238].



Рис. 3. Бассейны рек Кема и Юг

отсылает к разбойникам. Образы кемских разбойников размыты, здесь нет упоминаний ни о каких конкретных персонажах, это некие воинственные пришельцы. Мы рассматриваем их в данной статье, поскольку в текстах преданий иногда упоминаются слова *разбой*, *разбойники* и др. В большинстве случаев для их обозначения используется наименование *сечь* / *сичь* (о нем и других названиях пришельцев подробнее ниже).

Объекты, названные топонимами, с которыми связаны предания, локализованы в районе д. *Старина*, расположенной на левом берегу Кемы. В основе названия деревни, возможно, лежит апеллятив *старина́* ‘издавна основанное поселение’, зафиксированный (1899 г.) именно на этой территории — в Никольском уезде Вологодской губернии [СРНГ, 41, 72]²¹. В преданиях *Старина* рисуется как деревня, которая является самой *старой* в округе, поскольку именно она сохранилась, осталась целой после набегов мифической *сечи*; при этом в текстах актуализируется как связь со словом *старый*, так и народно-этимологическое притяжение к глаголу *остаться*: «Горело все, шел разбой какой-то. Мужики вышли, всю дорогу им завалили соплоченно. Оне не смогли попасть.

²¹ Возможна производность и от других апеллятивов, отмеченных на территории Вологодской области и в соседних областях: *старина́* влг., новг. ‘место, где раньше стоял чей-нибудь дом’ [СВГ, 10, 121; НОС, 10, 148], новг. ‘много раз использованный участок пашни’, новг. ‘древняя земля’, костр. ‘запущенная, давно не паханная земля’, арх. ‘издавна принадлежавшие кому-либо угодья’, кирив., новг. ‘старое русло реки’ и др. [СРНГ, 41, 72; НОС, 10, 148].

Вот и назвали деревню *Старина*: самая одна она *старая осталась*, остальные сгорели» <Ник., Старина>; «Сичь ходила, *сичь* — какое-то племя. *Иссекали* они всех. Мужики с оружием, с саблями. Никого не оставляли. Человек пятьдесят. Всю деревню попробуй изведи. А в *Старину* они не заходили. *Оставили* целую. Вот и назвали ее *Стариной*, что *осталась*» <Ник., Полежаево>; «Ходила у нас какая-то *сечь*. Всех *секли*, жгли. Все деревни. *Осталась* живая только *Старина*. Вот и назвали ее *Стариной*, что она *осталась*» <Ник., Вороново>; «Из-за этого ее и звали *Стариной*, что она одна *осталась*, а все деревни вокруг были нарушены» <Ник., Серпово> и др.²²

Недалеко (в семи километрах) от Старины стояла д. *Всемирская*, имя которой топонимическая легенда производит от сочетания *всем миром*: «Сичь шла, так *всем миром* вышли, зашишиались» <Ник., Старина>. Своим спасением, согласно преданию, Старина обязана не только действиям «мира», но и помощи Николая Чудотворца. Упоминание этого святого в текстах устных рассказов связано с тем, что Верхнекемская Николаевская церковь²³, находящаяся в Старине, была освящена в его честь. Николай Чудотворец «отвел» разбойников от деревни: «*Сечь* шла. *Секли* людей. Старина три раз горела, но не сгорела. От Старины *сечь* не в ту сторону увело, вихрем унесло. Отвел *сечь* Николай Угодник, унесло их. Они как злые духи. Разбойники» <Ник., Борок>. Мотив вихря, проявленный в этом тексте, в другом варианте предания «оязыковляется» в топониме *Вихоревская Дорога* (последняя, по словам информантов, проходит недалеко от д. Старина): «Шла у нас *сичь* какая-то. Все деревеньки прошли и нарушили. Дошли до Старины. Увидели церковь. Говорят: “Сейчас, Николка, доберемся и до тебя! Сейчас тебе голову свернем!” Это Старинская церковь была. А Никола святой. Он и отвел их от Старины. Он их лесом направил. От этого стала *Вихоревская Дорога*. Сичь туда и унесло *вихрем*. А они племя старое были. Никого в живых не оставляли» <Ник., Серпово>. Название *Вихоревская Дорога* возникло, по всей видимости, в результате народной этимологии. Следует предполагать, что в основе — топоним *Лихаревская Дорога* (испытавшей аттракцию к слову *вихрь*), который не был отмечен в современных полевых записях, но упоминается в машинописном тексте А. Н. Наумова, посвященном истории деревень по Кеме [Наумов]. Дорога так названа, очевидно,

²² О разорении деревень в окрестностях Старины говорится и в тех вариантах предания, которые приводятся в работах никольских и вологодских краеведов, ср.: «Согласно преданию, бытующему и сейчас на Кеме, в давние времена банда разбойников продвигалась по местности, уничтожая жителей, все предавая огню и мечу. Разбойники разграбили храм около деревни Вострова, надругались над ликами святых, выколол им глаза, и двинулись вверх по реке Кеме на деревню Старину. Но разграбить деревню разбойникам не удалось, так как местные жители заманили их в лесной завал и подожгли его, уничтожив таким образом всю банду» [Баданин, Биланчук, Наумов и др., 2000]; также [см: Гурьев, 2006, 56].

²³ Эта церковь, по данным [ЦИАВО, 1, 74, 185], была основана в 1821 г. По мнению А. П. Гурьева, церковь построена около 1715 г. [Гурьев, 2011, 39].

по помещикам из рода Лихаревых, проживавших в этих местах [о них см.: Наумов; Гурьев, 2006, 87–88; Гурьев, 2011, 33]²⁴.

О мифической кемской *сечи*, наименование которой явно отсылает к глаголу *сечь* ‘резать, рубить’ → ‘уничтожать’, необходимо сказать подробнее. Кроются ли за образом *сечи* какие-то реальные исторические фигуры? Данный вопрос требует серьезных исторических разысканий — и его решение не может входить в задачи нашей статьи. Назовем лишь некоторые версии. В краеведческой литературе высказывалось мнение о том, что появление слова *сечь* связано с событиями Смутного времени и русско-польского конфликта 1609–1612 гг. [Наумов]. Однако география этих событий свидетельствует против данной версии. Кроме того, «из материалов дозора 1616 г. видно, что никаких происшествий с поселениями в Кемской волости в период с 1581 г. по 1616 г., связанных с разрушением или изменением их местоположения, не было» [Гурьев, 2006, 56].

Д. Д. Баданин, говоря о *сечи*, утверждает, что речь идет о нападении на земли Верхнеюжья казанских татар [Баданин, 2012, 19]. Действительно, в устюжских летописях сообщается о набегах войск Казанского ханства на Великий Устюг и Верхнеюжье, которые не раз осуществлялись в XV в.: «Того же лета на весне на сам велик день приходили татарове казанские ратью на Устюг; стояли под городом 3 дни. <...> И зажгли город, и выгорело 2 городни у нижних ворот. И по божию милости огонь угасиша, а татар от города отбили. А тотарове взяли мир на том с устюжаны, что им в погоню за ними не ходити, а з города и с церкви взяли откуп копеищину за 11 000 денег и всякою рухлядью, а пришли на вести, полону не добыли, люди все по городком приходили мимо Галич на Кичменгу, а пошли вверх по Югу да на Ветлугу, а по Ветлузе плыли на плотех да в полоех тонули» <1446 г.> [ПСРЛ, 37, 87–88, л. 261 об.–262 об.]; «Того же лета рать черемисская с тотары казанскими приходили на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много русских голов. А устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побии всех, а полон назад отполонили весь» <1462 г.> [Там же, 90, л. 287–287 об.]; «Приходили тотаровя казанские ратью в Устюжской уезд на верх Югу реки, взяли городок Кичменской и с людьми огнем сожгли» <1468 г.> [Там же, 91, л. 293 об.] и др. Маршруты таких набегов проходили через территорию современного Никольского района²⁵ (кстати, они могли захватывать и земли Вохомского района).

²⁴ Встает вопрос о том, совпадают ли объекты, называемые топонимами *Вихоревская Дорога* и *Лихаревская Дорога*. Про первую дорогу известно, что когда-то она вела из деревни Старина на юг, в лес. Про вторую А. Н. Наумов сообщает, что она пересекала р. Пырнуг (левый приток Кемы) [Наумов], а значит, проходила не менее чем в 30 км южнее Старины. Не представляется возможным уточнить, была ли это одна и та же дорога (которая тянулась далеко из Старины на юг) или разные. Но если даже А. Н. Наумов имеет в виду другой географический объект, можно предполагать, что дорога, проходившая у Старины, тоже называлась *Лихаревской* (помещики Лихаревы широко ездили по Кеме).

²⁵ Например, в процитированном фрагменте упоминается волость Лоха — это современное с. Лоха Байдаровского сельского поселения Никольского района.

Затронули эти места и феодальные войны XV в. (противостояние сторонников великого князя Василия II и Василия Юрьевича Косого)²⁶. Кроме того, в кемских преданиях могут быть запечатлены воспоминания о многих других разбойных нападениях: в эти края могли «забредать» соратники Степана Разина (после подавления восстания в XVII в.), здесь орудовали разбойники, грабившие купцов, и т. п.

Практически каждая из озвученных версий подкрепляется народными вариантами объяснения того, кто же все-таки пытался разрушить д. Старина: «Сечь шла у нас, с Польши-Украины» <Ник., Борок>; «Войско шло, шведы. Старина горела полностью. Два-три раза горела. И потом на старом месте её отстраивали» <Ник., Старина>; «Монголо-татарская сечь, иго, проходили через эту Старину. После их ничего не оставалось, все убрали. Они ушли из этих краев, и осталась деревня после них — Старина, старое место» <Ник., Вороново>; «Сечь здесь ходила, люди Пугачёва. Деревни-то секли» <Ник., Никольское>. Примечательно, что *сечь* является не единственным наименованием кемских воинственных пришельцев. В контекстах выступает другое интересное обозначение — *слепота́*: «Каки-то чужие шли, кака-то слепота шла, каки-то нехорошиё шли» <Ник., Верховино>. Для интерпретации этого названия следует вспомнить, что в славянской народной картине «инородческого мира» устойчиво фиксируется мотив слепоты, который находит объяснение в связи с общими представлениями о демонической природе и аномальности чужих народов, [см.: Белова, 2005, 54–55; Березович, 2014, 206–208; СД, 5, 47 и др.]. «Апофеозом» демонизации кемских пришельцев можно считать наименование *мертвые руки*, характеризующее мифического персонажа, который убивал всех в округе скрещением рук: «Мёртвые руки ходил — придёт в избу к кому, руки на подоконник положит, дак все помирают. Придёт, руки скрестит — и все помирают. В Старине ходил. Это и вправду было. Был такой дедко» <Ник., Никольское>.

Еще одно название, о котором можно сказать в связи с разрабатываемой темой, обозначает объект, находящийся довольно далеко от Кемы (в 40 км на восток), у д. Нигино. Это р. *Сеченая* (*Сиченая*, *Сичаная*, *Сичёная*), правый приток Кипшеньги (впадающей слева в Юг). В записях краеведа Д. Д. Баданина мотивировка этого названия²⁷ звучит так: «При въезде в Нигино (старое Нигино) со стороны Никольска протекает речушка не безымянная, а с загадочным и несколько

²⁶ Ср.: «Князь Василей Косои посла с Костромы великому князю розметный, а сам поиде в Галеч и посла по вятчан, зовучи их на Устюг ратью. И поиде на Устюг в Великое заговеино, и на Кичменгу, на верх Югу реки прииде в Велик день, а на Устюг под город под Гледен генваря в 1 день. А ждал вятчан и стоял под Гледеном 9 недель, на всяк день к городу приступал, а города не взял. А на городе был воивода великого князя князь Глеб Иванович Оболенскои. А волости и села пустошил» <1436 г.> [ПСРЛ, 37, 42, л. 105–105 об.].

²⁷ Сотрудники нашей экспедиции, пытавшиеся выяснить мотивировку названия реки (в 2014 г.), не получили текстов о боевых действиях. Была записана только предельно «бытовая» мотивировка: «Сиченая — какая-то баба *высылась*» <Ник., Нигино>.

необычным названием *Сиченая*. Старожилы говорили, что здесь когда-то, очень давно, была страшная *сеча* с татарами» [Баданин, 2012, 19]. При этом нигинские информанты чувствуют связь между собственной местной историей и событиями на Кеме: «Раньше с Кемы шло татарское иго, война закончилась перед Нигино» <Ник., Нигино>²⁸.

Какова реальная мотивировка названия р. *Сéченая*? По всей видимости, топоним действительно образован от глагола *сечь* (точнее, от причастия *сеченый*), но в том значении, которое связано с подсечно-огневым земледелием. В гнезде **sěkt'i* есть множество терминов подсеки: ст.-рус. *сѣчи* 'расчищать путем вырубки лесные уголья, заросли под пашню или покос', олон. *сечь суки* 'вырубать лес под пашню', карел. *сечь нивы* 'подсекать лес, сжигая его, чтобы очистить под пашню', *сеча*, *сечь* влад., горьк., костр., мешер., моск. 'место, где вырублен лес, вырубка', влад., иван., калуж., нижегор., ряз., уфим. 'росчь в лесу под пашню', арх., перм. *сéчище* 'место, где вырублен лес, вырубка' и др. [Куркина, 2011, 51–54]; глагол *сечь* 'расчищать лес' фиксируется и на территории Никольского района [КСГРС]. Апеллятивы из этого гнезда нередко ложатся в основу географических названий, ср. факты из микротопонимии Русского Севера: пок. *Сéчи* <Некр.>, пок. *Сечи* <Вин.>, пок. *Сечище* <Вель., Пин., Шенк.>, бол. *Сечкáя Чисть* <Карг.>, р. *Сэчка* <Вель.>, пок. *Сэчки* <Кон.>, бол. *Сэчная Уйта* <Вин.>, бол. *Сечное* <Вель.>, поле, пок. *Сичка* <Вель., Вож., Кон., Котл.>, поле *Сичь* <Вель., Тарн.>, пок. *Сичи* <Вель., Вил., Некр.> и др.; отмечены и топонимы, которые образованы от той же причастной формы, что никольский гидроним *Сéченая*: бол. *Сиченое* <Бел.>, бол. *Сэченое Болото* <К-Г.>, бол. *Сэчено(е)* <Череп., Чухл., Холм.>, г. *Сэчена Гора* <Галич.>²⁹. Таким образом, интерпретация названия р. *Сэченая* в связи с «татарской сечей» является народно-этимологической, «притянутой» к гидрониму, возможно, под влиянием легенд о кемской *сечи*.

²⁸ О «татарском иге» и чьих-то могилах информанты вспоминают, когда рассказывают и о другом месте, находящемся недалеко от Нигино, — *Красном Угоре* (на берегу Кипшеньги, левого притока Юга): «Там татарское иго, кладбище было, белая баба там ходит, два метра ростом, после двенадцати ночи. Собака злаяла — и все исчезло»; «По реке самое крутое место. Поглянешь — синий огонек горит, кого-то там захоронили» <Ник., Нигино>. В устье Кипшеньги находится ур. *Халезец*, на месте которого когда-то была крепость. Народная память тоже связывает его с набегами татар: «Халезец — поселение, считалось, город. Предки жили, татары сожгли» <Ник., Теребаево>. Один из информантов изложил версию о происхождении слова *Халезец*, которое будто бы передает выкрик «*Ха! Лезете!*» (так кричали защитники крепости при штурме ее татарами) <Ник., Гужово>.

²⁹ Примеры топонимов других славянских территорий (особенно восточнославянских) представлены в [Куркина, 2011, 52].

* * *

Топонимические предания о разбойниках, функционирующие на восточном Вологодско-Костромском пограничье (точнее, в населенных пунктах, расположенных по берегам Вохмы, Юга и Кемы), демонстрируют сложное переплетение исторических, собственно лингвистических и внутритекстовых факторов, которые порождают фольклорные произведения и представленные в них географические названия. Предпринятый анализ позволяет «ранжировать» эти факторы и находить в их сочетании определенные закономерности, касающиеся взаимодействия народной истории, топонимических преданий и функционирующих в них топонимов. Вот самая общая схема такого взаимодействия, увиденного с позиций каждого из его актантов.

Наивная история:

- отражается в знаковых системах, в том числе в фольклоре и топонимии;
- постепенно размывается в памяти народа и подвергается перестройке, которая отчасти направляется логикой запечатлевающих ее знаковых систем;
- «подновляется» за счет новых событий, имеющих ассоциативную связь с прошлыми (например, старые предания о борьбе с разбойниками «модернизируются» за счет рассказов о карательных отрядах, подавлявших крестьянское восстание против советской власти в XX в.);
- в сознании поколений, отдаленных от реальных событий, история функционирует как «обратное отражение» фольклорного текста.

Топонимическое предание:

- отражает исторические события в виде устных рассказов, в состав которых входят топонимы;
- отдельные сюжетные звенья текста забываются и выпадают, но усиливается роль мнемотехнически и семиотически сильных деталей, особенно тех, которые извлекаются из внутренней формы топонимов (например, имена героев);
- впитывает в себя новые исторические события и перерабатывает их, включая в заданную схему;
- перестраивается под влиянием типологически значимых фольклорных схем (так, в преданиях об Анфале появляется мотив «бабы» — жены или сестры разбойника, чей образ восходит, вероятно, к легендам о Богородице, линия которой не зависит от линии Анфала).

Топонимия:

- в топонимической системе могут встречаться названия, связанные с реальными историческими событиями и закрепленные в фольклорном тексте (например, в топонимах *Сторожевая*, *Городок*, *Застава* отражена, по всей видимости, память о сторожевых пунктах, укреплениях, которые действительно стояли на берегах рек);

— если географическое название, мотивированное историческими реалиями, имеет прозрачную и однозначно прочитываемую внутреннюю форму, то у него есть шанс остаться в фольклорном тексте (*Сторожевая*); если внутренняя форма непрозрачна или мотивирующее слово не связано с основными сюжетными линиями фольклорного текста, то такое имя забывается или подвергается переосмыслению (*Застава* осмысляется в связи с глаголом *оставить*);

— «легендарная» мотивировка в большинстве случаев является для топонима вторичной (название *Ложкина Гора* мотивировано фамилией *Ложкин*, но вторично связывается с легендой о спрятанных разбойниках *ложках*);

— может происходить внешнее переоформление топонимов под влиянием лексических «стимулов», принадлежащих фольклорному тексту (*Лихаревская Дорога* превращается в *Вихоревскую Дорогу* вследствие аттракции к слову *вихрь*);

— устанавливается связь топонимов, попавших в фольклорный текст, с названиями смежных географических объектов. Эти названия тоже включаются в текст, конкретизируя и перестраивая его, особенно если из них можно извлечь имена «героев», обозначения «действий», «атрибутов» и т. п. (*Золотое Дно — Разбойница — (атаман) Варжа — Крадихино — Шмоны, Сабельное — Ложкина Гора — Могильник — Толмачев Бор* и др.);

— система географических названий, функционирующих в текстах преданий, предъявляет требования к свойствам топонимических реалий, отыскивая среди них «чудесные» и втягивая их названия в орбиту текста (например, «чудесные» свойства *Бабьей Дороги*);

— в редких случаях в топонимической системе появляются названия, мотивированные фольклорным текстом (*Анфалов Клад*).

Адеева Е. Ю. Вознесение — Вохма. Страницы истории // Никольский край в XVIII–XXI вв. Местная история глазами современников и исследователей : сб. докл. / вступ. ст. И. П. Подольской. Никольск : Вологжанин, 2011. С. 68–83.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Новосибирск : Наука, 2000.

Баданин Д. Д. Родословие никольской деревни. Кичменгский Городок : Ред. газ. «Заря Севера», 2012.

Баданин Д. Д., Биланчук Р. П., Наумов А. Н., Смирнов В. А., Суворов А. В., Шиловский М. Е. Никольская земля в истории Европейского Севера [Электронный ресурс] // Никольская старина. Исторические и этнографические очерки / отв. ред. С. А. Тихомиров. Вологда : Древности Севера, 2000. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/nikol/skaja/sta/rina/1.htm#2>.

Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М. : Индрик, 2005.

- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М. : КомКнига, 2010.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
- Герасимов С. С.* Политовское восстание. Кострома : Обл. тип. им. М. Горького, 2007.
- Герасимов С. С.* Волость Вохма : историко-краеведческий сборник. Кострома : Обл. тип. им. М. Горького, 2010.
- Герасимов С. С.* Церкви вохомских земель. Краеведение из фольклора. Кострома : Обл. тип. им. М. Горького, 2012.
- Гурьев А. П.* История Кемской волости. Ч. 1 : Кемская волость в IX–XVIII вв. Тольятти : [б. и.], 2006.
- Гурьев А. П.* Кема в XVII в. при первых помещиках // Никольский край в XVIII–XXI вв. Местная история глазами современников и исследователей : сб. докл. / вступ. ст. И. П. Подольской. Никольск : Вологжанин, 2011. С. 32–43.
- Иванова Е. Э.* По Чусовой : топоним. словарь. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Куркина Л. В.* Культура подсебно-огневого земледелия в зеркале языка. М. : Азбуковник, 2011.
- ЛКТЭ — лексическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЛПВК — Легенды и предания Вохомского края (сборник, подготовленный Вохомской центральной библиотекой им. Л. Н. Попова) [рукопись].
- Мусихин А. Л.* Загадки Анфала Никитина // Герценка: Вятские записки : научно-популярный альманах. Киров, 2002. Вып. 3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number20&ELEMENT=gerzenka20_2_1.
- Наумов А. Н.* Машинопись [без заглавия]. Петрозаводск (архив В. И. Жеребцова, д. Никольское Никольского района Вологодской области).
- Низов В. В.* Ушкуйник Афанасий Никитин [Электронный ресурс] // Герценка: Вятские записки : научно-популярный альманах. Киров, 2002. Вып. 3. URL: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number3&ELEMENT=gerzenka3_4_1.
- НОС — Новгородский областной словарь : в 13 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород : Изд-во Новг. гос. пед. ин-та, 1992–1995. Вып. 1–12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.
- Пластинин А. Н.* Никольский уезд. Пути сообщения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.podosinovets.ru/life_of_the_region/muzej/559-nikolskijj-uezd.-puti-soobshhenija.html.
- Поникаров В. В.* История деревни Дунилово // Никольский край в XVIII–XXI вв. Местная история глазами современников и исследователей : сб. докл. / вступ. ст. И. П. Подольской. Никольск : Вологжанин, 2011. С. 23–31.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л. : Наука, 1982.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т ; Русь, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001-. Т. 1-.
- СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012.
- Сказание 1899 — Сказание о чудотворной Дуниловской иконѣ Божіей Матери и о Дуниловской Богородицкой пустыни / сост. преп. Вологодской духовной семинарии, магистр богословия В. Лебедев. Вологда : Тип. Г. С. Панова, 1899.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М. : АСТ, 1998.

- ФСЛРЯ — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1986.
- ЦИАВО — Церковно-исторический атлас Вологодской области / сост. Н. М. Македонская. Вологда : Древности Севера, 2007. Т. 1.
- Чагин Г. Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века : учеб. пособие. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 15.11.2014 г.

* * *

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и общего
языкознания Уральского федерального
университета
620000, пр. Ленина, 51, комн. 306;
тел. 8 (343) 350 75 97
E-mail: berezovich@yandex.ru

Кучко Валерия Станиславовна

аспирант кафедры русского языка и обще-
го языкознания Уральского федерального
университета
620000, пр. Ленина, 51, комн. 306;
тел. 8 (343) 350 75 97
E-mail: kuchko@inbox.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна

аспирант кафедры русского языка и обще-
го языкознания Уральского федерального
университета
620000, пр. Ленина, 51, комн. 306;
тел. 8 (343) 350 75 97
E-mail: surok62@mail.ru

Berezovich, Elena Lvovna

DrHab, Professor, Department of Russian
Language and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., office 306
620000, Ekaterinburg, Russia
tel. +7 343 350 75 97
E-mail: berezovich@yandex.ru

Kuchko, Valeria Stanislavovna

PhD Student, Department of Russian
Language and General Linguistics,
Ural Federal University
51, Lenin av., office 306
620000, Ekaterinburg, Russia
tel. +7 343 350 75 97
E-mail: kuchko@inbox.ru

Surikova, Olesya Dmitrievna

PhD Student, Department of Russian
Language and General Linguistics,
Ural Federal University
51, Lenin av., office 306
620000, Ekaterinburg, Russia
tel. +7 343 350 75 97
E-mail: surok62@mail.ru

**TOPONYMIC LEGENDS AND HISTORICAL FACTS
(LEGENDS ABOUT ROBBERS IN THE AREA
OF VOLOGDA AND KOSTROMA REGIONS EASTERN BOUNDARY)**

The article deals with toponymic legends about robbers collected by the Ural University Toponymic Expedition on the eastern boundary between Vologda and Kostroma Regions, these legends being especially widely spread in Vokhonsky District of Kostroma Region and Nikolsky District of Vologda Region. Within these two large zones the authors isolate areas with place

names recurrent in the legends: two areas in Vokhmsky District (in the upper and lower Vokhma River basin) and two areas in Nikolsky District (in the Yug River basin and the upper reaches of the Kema River). For each area the authors reconstruct historical, linguistic and textual factors relevant to the origin and functioning of the legends. The authors argue that the creation of the legends in the studied areas can be explained by invasions of rebels, fugitive serfs, deserters — i. e., persons whom the local inhabitants could have treated as robbers. In the Yug River area the legends seem to retain the memory of the 14th century Novgorodian pirate *Anfal Nikitin's* forays; the legends about the robbery tribe *Sech* collected in the Kema River area may be an echo of the 15th century Tatar invasions. The main linguistic factors of the legends' creations are place names whose internal form favours their transformation by folk etymology and “attracts” robbery plots (e. g., *Razboynitsa* River, the folklore name of the Vokhma River — *Zolotoye Dno*). In rare instances names reflect real historical facts (e. g., *Zastava*, *Storozhevaya*). The authors show that with the course of time a toponymic legend can lose or acquire episodes, it can also vary under the influence of typologically similar folklore plots, attracting new place names and eventually changing their form and meaning.

Key words: Russian language, toponymy, place-names, toponymic legend, folklore, folklore remotivation of a place name, Vologda region, Kostroma region.

- Adeeva, E. Yu. (2011). Voznesenie — Vokhma. Stranitsy istorii [Voznesenie — the Vokhma. Pages of History]. In I. P. Podol'skaia (Ed.), *Nicol'skii kraj v XVIII–XXI vv. Mestnaia istoriia glazami sovremnikov i issledovatelei* [Nikolsky District in the 18th–21st Centuries. The Local History Viewed by Contemporaries and Researchers] (pp. 68–83). Nikolsk: Vologzhanin.
- Anikin, A. E. (2000). *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniia iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh iazykov* [An Etymological Dictionary of the Russian Dialects of Siberia: Loans from Uralic, Altaic and Paleosiberian Languages]. (2nd ed.). Moscow; Novosibirsk: Nauka.
- Badanin, D. D. (2012). *Rodoslovie nikel'skoi derevni* [The History of Nikolsky District Villages]. Kichmengsky Gorodok: Zaria Severa.
- Badanin, D. D., Bilanchuk, R. P., Naumov, A. N., Smirnov, V. A., Suvorov, A. V., & Shilovskii, M. E. (2000). *Nicol'skaia zemlia v istorii Evropeiskogo Severa* [Nikolsky Land in the History of the Russian North]. In S. A. Tikhomirov (Ed.), *Nicol'skaia starina. Istoricheskie i etnograficheskie ocherki* [Antiquities of Nikolsky Land. Essays on History and Ethnology]. Vologda: Drevnosti Severa. Retrieved from <http://www.booksite.ru/fulltext/nicol/skaja/sta/rina/1.htm#2>.
- Belova, O. V. (2005). *Etnokul'turnye stereotipy v slavianskoi narodnoi traditsii* [Ethno-Cultural Stereotypes in Slavic Popular Tradition]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2010). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskii obraz prostranstva* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect. Mythopoetic Image of Space]. Moscow: KomKniga.
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshchoslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Vocabulary in the Context of Slavic Languages: A Semantic-Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke.
- Chagin, G. N. (1999). *Istoriia v pamiati russkikh krest'ian Srednego Urala v seredine XIX — nachale XX veka* [History in the Memory of the Middle Urals Russian Peasants in the Middle 19th — Early 20th Centuries]. Perm: Izd-vo Perm. un-ta.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of Russian Popular Dialects]. (Vols. 1–). Moscow, Leningrad (Saint Petersburg): Nauka.
- Gerasimov, S. S. (2007). *Politovskoe vosstanie* [The Politovo Revolt]. Kostroma: Obl. tip. im. M. Gor'kogo.

- Gerasimov, S. S. (2010). *Volost' Vokhma. Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [The Vokhma River Area. A Historical Sketch]. Kostroma: Obl. tip. im. M. Gor'kogo.
- Gerasimov, S. S. (2012). *Tserkvi vokhomskikh zemel'. Kraevedenie iz fol'klora* [Churches of the Vokhma Land. Folklore and Regional Studies]. Kostroma: Obl. tip. im. M. Gor'kogo.
- Gurev, A. P. (2006). *Istoriia Kemskoi volosti* [The History of the Kem River Area] (Part 1). Tolyatti: [s. n.].
- Gurev, A. P. (2011). Kema v XVII v. pri perykh pomeschikakh [The 17th Century Kema under the First Landlords]. In I. P. Podolskaia (Ed.), *Nikol'skii krai v XVIII–XXI vv. Mestnaia istoriia glazami sovremennikov i issledovatelei* [Nikolsky District in the 18th–21st Centuries. The Local History Viewed by Contemporaries and Researchers] (pp. 32–43). Nikolsk: Vologzhanin.
- Ivanova, E. E. (2014). *Po Chusovoi: Toponim. slovar'* [Down the Chusovaya River. A Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kurkina, L. V. (2011). *Kul'tura podsechno-ogneвого zemledelii v zerkale iazyka* [Slash-and-burn Culture in the Mirror of Language]. Moscow: Azbukovnik.
- Lebedev, V. (Ed.). (1899). *Skazanie o chudotvornoi Dunilovskoi ikone Bozhiei Materi i o Dunilovskoi Bogoroditskoi pustyni* [A Story of the Theotokos of Dunilovo and the Bogoroditsky Hermitage in Dunilovo]. Vologda: Tip. G. S. Panova.
- Makedonskaia, N. M. (Ed.). (2007). *Tserkovno-istoricheskii atlas Vologodskoi oblasti* [A Church Historical Atlas of Vologda Oblast]. (Vol. 1). Vologda: Drevnosti Severa.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' govovor Russkogo Severa* [A Dictionary of Dialects of Northern Russia]. (Vols. 1–). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Molotov, A. I. (Ed.). (1986). *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [A Dictionary of Russian Idioms]. (4th ed.). Moscow: Russkii yazyk.
- Musikhin, A. L. (2002). Zagadki Anfala Nikitina [Secrets of Anfal Nikitin]. *Gertsenka: Viatskie zapiski. Nauchno-populiarnyi al'manakh*, 3. Retrieved from http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number20&ELEMENT=gerzenka20_2_1.
- Nizov, V. V. (2002). Ushkuinik Afanasii Nikitin [Anfal Nikitin, a Pirate]. *Gertsenka: Viatskie zapiski. Nauchno-populiarnyi al'manakh*, 3. Retrieved from http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number3&ELEMENT=gerzenka3_4_1.
- Panikarovskaya, T. G. (Ed.). (1983–2007). *Slovar' vologodskikh govovor* [A Dictionary of Vologda Dialects]. (Vols. 1–12). Vologda: Vologod. gos. pedinstitut; Rus'.
- Plastinin, A. N. (n. d.). *Nikol'skii uezd. Puti soobshcheniia* [Nikolsky District. Communication Lines]. Retrieved from http://www.podosinovets.ru/life_of_the_region/muzey/559-nikolskijj-uezd.-puti-soobshhenija.html.
- Ponikarov, V. V. (2011). Istoriia derevni Dunilovo [The History of Dunilovo Village]. In I. P. Podol'skaia (Ed.), *Nikol'skii krai v XVIII–XXI vv. Mestnaia istoriia glazami sovremennikov i issledovatelei* [Nikolsky District in the 18th–21st Centuries. The Local History Viewed by Contemporaries and Researchers] (pp. 23–31). Nikolsk: Vologzhanin.
- Rybakov, B. A. (Ed.). (1982). Ustiuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv. [The 16–18th Centuries Ustyug and Vologda Chronicles]. Leningrad: Nauka.
- Strogoval, V. P. (Ed.). (1992–2000). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [A Novgorod Regional Dictionary]. (Vols. 1–13). Novgorod: Izd-vo Novgorod. gos. pedinstituta.
- Superanskaia, A. V. (1998). *Slovar' russkikh lichnykh imen* [A Dictionary of Russian Personal Names]. Moscow: AST.
- Tolstoy, N. I. (Ed.). (1995–2012). *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethno-linguistic Dictionary]. (Vols. 1–5). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

Received 15 November 2014